

ВСПЫШКА СПРАВА

Павленко Георгий. Посвящения. Очерки, рецензии, стихотворения. — М. : Самотёка ; МИД "Осознание", 2025. — 312 с.

В КНИГУ поэта и прозаика Георгия Павленко (род. 1959 г.) вошли стихотворения, очерки воспоминаний и рецензии, связанные как с нашими современниками, так и с персоналиями "давно минувших лет". Книгу составили произведения, написанные в течение 45 с лишком лет, как публиковавшиеся в разное время в разных изданиях, так и впервые попавшие в типографский набор.

На страницах настоящего издания читатель встретит имена русских Святых, таких как прп. Сергей Радонежский и прп. Серафим Саровский, св. благ. князь Андрей Боголюбский, св. благ. княгиня Ефросиния Московская и св. прав. Иоанн Кронштадтский... Старшим современникам автора посвящены разделы о писателе В.А. Солоухине и скульпторе В.М. Клыкове, геополитике С.А. Шатохине и фено(м)енologe А.Н. Стрижёве. Нарочитые страницы обращены к известным поэтам "правого крыла" — Сергею Яшину, Нине Карташёвой, Алексею Широпаеву. В последнюю главу книги вошли, помимо прочего, рецензии и статьи, характеризующие творческую и публикаторскую работу автора в последние годы, связанную с Опричным братством во имя св. преп. Иосифа Волоцкого. Несколько рецензий, вошедших в книгу, касаются творчества самого автора и написаны теми, кому адресованы соответствующие разделы. Книга рассчитана на широкий читательский круг, в чьи интересы входят поэзия, отечественная история и будущие судьбы России...

Георгий Павленко — прежде всего Поэт "Божией милостию". Поэзия с точки зрения Традиции есть занятие, среди прочих иных, едва ли не важнейшее... Достаточно сказать, что в православном Символе веры (в греческом его оригинале), Бог-Творец поименован "Поэтом видимых всех и невидимых"... Исходя из сего, архиважность Поэтического ремесла, воистину, трудно переоценить... Не необходимо признавать, что с Поэзией и с Поэтами Dei Gratias (Божией милостью. — Ред.) уже давненько в современном мире творится нечто глубоко неладное... Точно и верно пишет об этом один из авторов-традиционалистов, "вращающихся" на орбите Братства, Сергей Молохов: "Поэзия скорее мертва, чем жива". Во всяком случае деятельность по производству стихов изрядно девальвировалась. Поле поэзии размывается

так же, как поле эстетики в проекте "тотальной эстетизации": эстетично всё, а значит ничего. Писать могут все и никто. Стихи на остро социальные темы неотличимы от рифмованных шуток в интернете, исповедальная поэзия — от стендапа и психотерапии. Всего слишком много, и всё переходящее. Серафимы больше не раздают змеиных жал. Вечность переполнена. Например, так это описывал Евгений Головин: "Поэзия достигла блестящих результатов к середине двадцатого века, но триумф обернулся агонией. Продолжают по инерции выпускать сборники никому не нужных стихов — только и всего. Филологи продолжают изучать великую поэзию, но их исследования тонут в бесконечности других книг — только и всего". Нельзя, конечно, никому запретить писать "для себя" (в том числе, себе). Другое дело, что это скорее салонная симуляция, чем подлинная жизнь языка. Своего рода рекреационный хендмейд типа батика или росписи чашек на досуге. Возможен, однако, взгляд более широкий, чем тот, что констатирует закат жанра. Ведь поэзис — суть бытия духа, сам принцип мышления и культуры, имеющий отношение к тайне сопряжения опыта и слова. Мы утверждаем собственную человечность, пока поэтичны, то есть, ещё способны к творению. А значит, пока мы люди, а не дверные доводчики Бруно Латура или ещё какие-нибудь персонажки-нечеловеки, которым делегируется людская деятельность, поэзис существует, а слово имеет шанс снова стать вещим. Примерно то же самое имею в виду я, когда говорю, что Поэзию можно было закончить на Гомере, следовательно закончить на Данте, а закончилась она после Гёте".

Тем примечательнее и провиденциальнее пиитическая "вспышка справа": появление некоего "правого фронта Искусств" вокруг Опричного братства, состоящего преимущественно из Поэтов: Сергея Яшина, Николая Боголюбова, Анатолия Кузнецова, Алексея Ильинова, Сергея Любенко, Георгия Боровикова и иных прочих, включая и самого Георгия Павленко, разумеется...

Быть может, и "следовало закончить Поэзию на Данте", да она, как выясняется, "не закончилась и на Гёте"... Всяко, "Посвящения" Павленко, — "штука", не скажем, что "поильнее", но не менее интересная, нежели "Гётев Фауст"... А, мы дерзаям полагать, что "закончится" Поэзия лишь тогда, когда Всевышний Поэт "видимых всех и невидимых" сочтёт благовременным положить конец этому Небу и Земле и положить начало циклу "Нового Неба и Новой Земли" (Апок. 21, 1). Но и "там", мы уверены, обращается своя, "Новая Поэзия".

Роман РАСКОЛЬНИКОВ

Троицкая Валерия. Донецкое море. История одной семьи. — М. : АСТ, 2025. — 320 с. — (Серия "Русская Реконкиста")

ИСТОРИЧЕСКОЙ основой повести Валерии Троицкой стали события 2014 года. Русский Донбасс, оказавшийся в составе враждебной Украины, захотел жить не против России, а за свою Родину.

В ответ на закономерное желание русских вернуться к русским Донецк и другие территории были атакованы с воздуха и земли. Тысячи ополченцев и мирных граждан были убиты в ходе борьбы донбасского народа за независимость. Убивали Украина и Запад, уже активно спонсировавший войну Киева против своего (по официальным документам) народа.

Это стоит помнить тем, кто будет приписывать Троицкой как бы главный грех — изначальную, всё определяющую ошибку: мол, украинское государ-

внутренним, уходящий в ополчение муж — ничтожеством и преступником одновременно. В начале боевых действий Лариса сообщает, что Рома не сын Олега, вместе с ним отправится в Полтаву, быстро оформит развод, исчезнет из Донецка на девять лет — без писем и звонков.

Ближе к финалу мать Кати появится, чтобы ещё раз, ещё более веско сообщить: она — и демон повседневног раздражения, и женщина без Неба, и западная прагматика, и украинство — в лице "вакхического" механизма распада и тления.

На одной из последних страниц прозвучит итоговая фраза Кати (отнесённая к октябрю 2023 года) о героях повести: "Мама мёртвая, а вы живые". Я не буду детально рассматривать кульминацию и развязку, потому что повесть надо ещё и прочитать. Прочитать "Донецкое море", а не только эту рецензию.

Думаю понятно: Олег Ковалёв — Россия, его дурная жена — Украина в стадии агрессии. Данный вывод подтверждается и ярким дуализмом образов детей. Рома — сначала ставший закладчиком, потом прячущий свои грехи за спиной

и зла. Так происходит и с повествованием Валерии Троицкой. Следовательно, "Донецкое море" будет без особых проблем принято кругом соратников, разделяющих русский путь Кати, её отца и многих донбасских героев. Сложнее остаться в повести тем, кто иной веры. Дидактика здесь ближе к императивности, чем к прославленной романной полифонии. Диалоги тут проходят в жёсткой форме согласия и почти ритуального разделения, когда в поездке на Петербург появляется ещё одна "Лариса" — хищная дама с лицемерными словами о "братоубийственной войне". Да, воюют славянские братья, но "хищная дама" как раз из тех, кто сильно постарался, чтобы братство исчезло.

НЕДАВНО ПИСАЛ о "Совдетстве" Юрия Полякова. Там пионер так рассказывает о мире 1968 года, что взрослым, искушённым читателям — не оторваться. В "Совдетстве" царит романность, которую, думаю, Кожинво одобрил бы. Принципиально иная ситуация в "Донецком море": управляющий текстом взрослый стремится создать нечто эпическое и романное вместе — для взрос-

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ЭПОСА

ство — свет, а Донецк вместе с поддержавшей Россией — тьма. "За что они нас ненавидят?" — этот вопрос часто задают герои "Донецкого моря". Так как Донецк бомбят до сих пор, то ответ может быть житейски прост ("они — это они, а мы — это мы") или геополитически сложен. Валерия Троицкая выстраивает свою реакцию на происходящее из психологии повседневности, из обыденного добра и зла, из характеров.

Или — об этом ещё скажем — знаком характера.

Что здесь самое главное? Подзаголовок верен: история одной семьи. Папа с мамой, обоим ещё далеко до старости: Олег Ковалёв и Лариса. Дети, брат с сестрой: Катя, которой в повести от 14 до 25, и Рома, он на четыре года младше. Протагонист Катя — папина дочка; косвенный, да, пожалуй, и прямой антагонист Рома — мамин. Олег был кадровым морским офицером, стал водителем. Папа добр, заботлив и мягок, в нём нет ничего от расширяющегося мира потребления.

Мама не просто плохой человек, она — центр сюжетного демонизма; демонизма, конечно, психологического, но регулярно уплотняющегося в гротескных, совершенных императивных формулах. Лариса исполнена ежeminутного раздражения: она практически без сдерживания ненавидит мужа за его безынициативное, не приносящее денег тепло; она не любит дочь и за её постоянное движение в сторону Олега, и за что-то ещё, почти иррациональное. Каждый шаг Ларисы — мучения иноземной русалки, выброшенной на русский берег: Запад представляется ей незаходящим солнцем, ориентированный на эгоизм и Финляндию Максим — умным юношей, собственная дочь — уродом внешним и

сестры, далее воюющий за ВСУ, — несчастная (но не без личного участия) украинская молодёжь. Его сестра Катя — будущее России.

Слишком просто? Да, не без этого. Ведь в "Донецком море" поэтика растёт из эпоса, из прагматично осмысленного классицизма, из принципов построения советской литературы для подростков. Кстати, Катя читала "Дети капитана Гранта", "Корттик" и Гайдара. О западной детской и юношеской литературе, о Поттере — ничего не сказано.

В названии этой статьи — поклон Вадиму Кожинову, сильнейшему стратегу Русской Идеи последней четверти XX века. Ещё в 60-х Кожинов написал программную работу "Роман — эпос нового времени". С одной стороны, это чистая, связанная с Михаилом Бахтиным, теория литературы, с другой — перед нами учение о человеке, а если вспомнить о Достоевском и Толстом — русское учение. Роман — сочетание воли, ясной правды и психологической сложности эволюции души от инстинкта к познанию. Роман не против эпоса с его древними истинами, роман — это сохранение героической архаики в условиях усложнения внутренней формы слова, дела, понимания цели и задач жизни человека.

Я хотел назвать материал так: "Эпос нашего времени — не роман". Это почему так? Большие романы хорошо пишутся, когда внешняя война всё-таки затихает, уступая место внутренним сражениям. Разумеется, с памятью о том, что битва в реальном времени и пространстве готова вернуться в любой момент.

Когда та или иная спецоперация в разгаре, все повести-романы и даже рассказы тяготеют к эпическим конструкциям, к чёткой фиксации и монументализации добра

леющих детей, для юных жертв культуры глобализма. Не скрою, что у Полякова получилось эффективнее и эффективнее.

Конечно, не будем забывать: Поляков пишет об устойчивом мире, Троицкая работает с войной. Юра Полюяков, этот Симплиций московского коммунизма, ограждён от прямой агрессии капиталистов и американских милитаристов. Катя Ковалёва там, где близкие и знакомые гибнут каждый день. Погибают на фронте, как друзья отца. Теряют жизнь на улицах под ракетами, как друг Битя — светлый, хороший, начитанный и высоко мыслящий мальчик, всем отличающийся от Ромы.

Мне нравится, когда Валерия Троицкая желает обрести паузу, столь важную в художественном тексте. Когда замечает "тихую силу" Олега или рисует утреннюю тишину "ещё спящей войны". Но общее движение повести — к формулам эпического противостояния и будущей победы: "Сергей Петрович верил в Россию, как в Бога"; "я выбрала папу, потому что ему верила"; "в каждом человеке идёт война"; "Христос принёс не мир, но меч"; происшедшее на Донбассе стало "точной выбора" и окончательного самоопределения. "Как же я жил с нею тридцать лет?", — удивляется один из персонажей, осознавший, что вроде бы бытовые казусы жены (ещё одной "Ларисы") моментально вписались в чуждую идейную программу.

"Донецкое море" не завоеует миллионы читателей, своё дело — в границах общего поворота современной литературы к Большому стилю — сделает. Проза СВО неизбежно будет искать побеждающую романность! А сейчас? А сейчас лучше новый русский "классицизм", чем десятилетия царившее антисоветское "барокко".

Алексей ТАТАРИНОВ

ТАЙНА РУССКОГО НАРОДА

Нечипоренко Юрий. Смыслы русской культуры. — СПб. : Алетей, 2025. — 286 с.

МОЖНО только поприветствовать выход в свет книги писателя и учёного Юрия Нечипоренко. Ведь деятельность надо строить, по выражению Маяковского, "ревнуя к Копернику, его, а не мужа Марьи Ивановны, считая своим соперником". Тем более, что Россия в последнее время стала явным лидером свободного мира (не путать со "свободным" западным), заявив о поддержке движения к миру без неоколониализма. Поэтому полезно разобраться, в чём истоки этой современной роли России, и как с этой ролью связана русская культура. Да и смысл может быть только новым, рождённым среди текущих событий. Старого смысла не бывает: он, если и сохраняется, то нуждается в постоянном переосмыслении.

Одна из составляющих книги — статьи о русском языке, написанные и опубликованные в девяностые и нулевые годы. В те времена как внутри страны, так и снаружи, россиянам объясняли, что хуже их никого на свете не было и нет, и надо им каяться и кланяться. Противостоит такой тенденции, Нечипоренко отталкивается от самого русского языка. Русские, по мнению автора, понимают свою русскость "как своеобразную духовность, как веру, как призвание быть народом, который хочет нравственного мироустройства. Даже если он обманывается иногда в своём стремлении, у него хватает достоинства и сил исполнять своё предназначение и вновь пытаться соединять слова так, как они заложены в самой душе его — в русском языке". В те же годы были созданы вышедшие на рубеже нулевых и десятых годов книги художественной прозы Нечипоренко "Мой отец — на начальник связи" и "Смеяться и свистеть". Написанные ярким образным языком рассказы повествовали о счастливым периоде советского детства и студенческой юности героя. При этом автор отнюдь не скрывал аскетичности и идеологизированности советского бытия, что, однако, не мешало герою найти достойное место в жизни, выбрав научную стезю. Эти книги Нечипоренко также противостояли тенденции рисовать советский период нашей истории как исключительно мрачное время. Некоторые рассказы Юрия Дмитриевича вошли в данную книгу, демонстрируя единство научного и художественного мира автора.

Кризис коммунистической системы и распад Советского Союза неминуемо привели к переосмыслению марксистской идеологии. Я считаю неверной политико-экономическую теорию марксизма, однако против отрицания материалистического подхода к истории. Нечипоренко же в своих статьях проводит мысль, что особенность русских — в словарном составе русского языка, считая, что

"язык — основание познавательной деятельности".

Язык, по мнению Нечипоренко, основан на "предсуществующих идеях". При этом "язык формирует дух народа". Происходит это путём эманации — истечения, излучения высшей сущности языка". Я, напротив, полагаю, что язык формируется в результате трудовой деятельности той или иной человеческой общности, а специфика этой деятельности определяется географическими условиями (в скобках замечу, что базовый словарный запас един как для славянских, так и для германских народов, и если уж выводить отличия народов из их языков, то сосредоточиться следует на различной грамматике, которая отражает особенности взаимодействия людей в ходе трудовой деятельности). Я полагаю, что ошибочна марксистская теория существования и смены общественно-экономических формаций, и человеческое общество развивается в рамках единой капиталистической системы производства (напомню, что в рамках этой системы и для её обслуживания появились американское рабство и мало отличавшееся от него русское крепостничество). Главный смысл Октябрьской революции состоял в её антиколониальном характере, позволившем создать экономически и политически независимое государство — СССР. Антиколониальной революцией я считаю Гражданскую войну в США. При помощи СССР антиколониальную революцию осуществил и Китай. Почему именно этим трём странам удалось самостоятельно добиться освобождения от колониальной зависимости? Я полагаю, что дело в их самодостаточности (тут остановлюсь, не углубляясь далее в русскую историю). Вот эта историческая специфика и сформировала национальный дух России, нацеленный на справедливое мироустройство.

В 2009 году вышла книга Юрия Нечипоренко "Ярмарочный мальчик: жизнь и творения Николая Гоголя", представляющая собой яркий оригинальный взгляд на биографию писателя. Отталкиваясь от той прежней книги, Нечипоренко предлагает в "Смыслах русской культуры" раздел "Космогония Гоголя". Текст о нём завершается следующими словами: "В иерархии ценностей, которую строит Гоголь для читателя, любовь и семейная жизнь важнее любых отвлечённых понятий". Между тем книга "Ярмарочный мальчик" вплотную подводила читателя к вопросу: отчего же остался холост и, более того, фактически покончил жизнь самоубийством один из лучших наших писателей, в последних своих произведениях проповедовавший христианские ценности? В своё время я откликнулся на "Ярмарочного мальчика" эссе "Гоголь и чёрная масса". Смысл гоголевской картины мира раскрывается в повести "Старосветские помещики": смерть неизбежно разлучает любящие сердца, для чего же тогда вступать в любовные отношения? В ряде своих произведений Гоголь вводит

обряд чёрной мессы, который, однако, тщетно пытается разрушить неизбежность разлуки любящих.

Этот максимализм Гоголя присут в целом русской культуре. Взять хоть Достоевского. Различие между традиционным европейским романом и романом Достоевского показывает Стефан Цвейг в разделе "Достоевский" из книги "Три мастера". Европейский роман, как правило, повествует о социализации молодого героя. Поначалу этот герой может быть и бунтарём, однако затем женится и вливается в существующий социум в качестве одного из его законопослушных представителей. И тут появляется Достоевский со своими проклятыми вопросами. Вот как формулировал эти вопросы Николай Бердяев: "Нельзя жить, не решив вопроса о Боге и дьяволе... Перед человеком ставится дилемма — свобода или счастье, благополучие и устройство жизни, свобода со страданием или счастье без свободы". У Юрия Нечипоренко есть замечательная книга о детстве Достоевского "Огонь с Божедомки". Жаль, что в "Смыслах русской культуры" не нашли отражение творчество Достоевского и его немаловажные для русской культуры проклятые вопросы. Зато в книге есть прекрасное эссе об Иване Бунине "Язык страсти". В нём рассказывается о любви Бунина и Варвары Пащенко: "Потом из этой страсти, из этого отчаяния возникнут десятки бунинских рассказов, в которых молодые люди гибнут от любви, идут наперекор ей или сдаются — всё равно, страсть выжигает их сердца и делает невозможной жизнь без страсти. Любовь — это неуправляемая ядерная реакция, цепная, страшная и захватывающая целиком". Это Нечипоренко пишет о максимализме русской культуры.

Не хватает мне в этом сборнике Нечипоренко раздела о Пушкине, хотя Юрий Дмитриевич написал для юных читателей две книги о детстве великого поэта. В своей книге "Пушкин и гвардия" я привожу письмо Николая I к его младшему брату Михаилу Павловичу, в которой Николай I уже через неделю после смерти Пушкина формулирует бытующую ныне версию о причинах дуэли и смерти поэта. Между тем ряд исследователей считает, что Пушкин возстал против следующего мнения света: почётно быть мужем императорской любовницы. Пушкин не мог вызвать на дуэль императора и спровоцировал дипломатический скандал, отправив вызов голландскому посланнику Геккерю. А Голландия была тогда одним из основных финансистов военных и промышленных проектов России. Поэтому на дуэль к Пушкину был направлен отменный стрелок Дантес. В этом также основа русской культуры: в отставании своего достоинства даже перед лицом верховной власти и ценой жизни.

Высокого достоинства полна и книга Юрия Нечипоренко "Смыслы русской культуры".

Низкий по-русски поклон за неё автору.

Андрей ПУСТОГАРОВ

Фотор. Станислав САВИНА

ПАМЯТЬ О КАТАСТРОФЕ

Фатеев Евгений. Феномены 90-х. Опыт человека, которому посчастливилось выжить. — М. : АСТ, 2024. — 192 с. — (Серия MassCult)

Фатеев Евгений. Святые 90-е. Страна в тени. — М. : АСТ, 2024. — 178 с. — (Серия MassCult)

ПРОИГРАВ на короткой дистанции, патристическое движение выиграло на средней. Но может проиграть на длинной. Вспомните Мюллера: "Золото партии — это мост в будущее, это обращение к нашим детям, к тем, кому сегодня месяц, год, три. Тем, кому сейчас десять, мы не нужны — ни мы, ни наши идеи; они нам не простят голода и бомбёжек. А вот те, которые сейчас ещё ничего не мыслят, будут говорить о нас, как о легенде! А легенду надо подкармливать! Надо создавать тех сказочников, которые переложат наши слова на иной лад, тот, которым будет жить человечество через двадцать лет".

Эту арийскую мудрость из популярного фильма неоднократно довелось проверить даже среди близких людей. Полноценно заставшие девяностые, пусть и в детстве, иллюзий не испытывают. А вот для зумеров это всего лишь история, из которой вышли вполне себе благополучные родители, а ещё есть интересные культурные явления, да и про "свободу слова" они слышали. И очень удивляются, когда узнают, что автор этих строк, несмотря на относительной юный тогда возраст, успел поучаствовать в двух закрытых СМИ, а предшественник "Завтра", "День", был ликвидирован ещё до расстрела парламента, простым указом и.о.

министра печати. И никакого тебе Интернета. Идеологический диктат либералов, особенно в первой половине десятилетия, был значительным.

Девяностые кончились, и девяностые всегда рядом. Они не проговорены, не изучены, не проработаны. Порой даже не описаны. Есть несколько литературных произведений, есть фильмы типа первого сезона "Улиц разбитых фонарей", которые хорошо передают ту атмосферу. Но этого очень мало.

МОЖНО возмущаться Ельцин-центрами, но эти институты работают и дело своё знают. А нам остаётся удовлетворённость тем, что власть и общество перешли на язык патристической оппозиции девяностых. Но не стоит забывать, что "за патристизм" сегодня вещают многие граждане, которые тогда поклонялись "храму демократии". Если переосмыслили тот опыт — хорошо. Но вполне возможно, что кто-то просто следует политической конъюнктуре.

Проблема патриотики — в уходе от конкретики. И любой разговор про девяностые быстро разворачивается в сторону обобщений, историсофии, метафизики. Это объяснимо, зачастую важно, но не работает универсально. И, претендуя на слово к народу, патриотика иной раз уходит по восприятию в "сектантские кампани".

И вот из Екатеринбурга, города, который ассоциируется, увы, и с Ельциным, идёт весомый ответ на девяностые. Заявлена целая серия книг, которая открылась двухтомником Евгения Фатеева.

Фатеев — профессиональный историк, выдающийся культуролог и культуртрегер, сооснователь фестиваля стрит-арта и граффити "Стенография". Читателям "Завтра" он известен как автор тонких исследований по истории советского искусства, жёстко-аналитических "украинских уроков" и цикла

сюжетов про лихие девяностые, которые и собраны в настоящих изданиях.

"Последние лет пять происходит ползуная реабилитация девяностых. Мы болыные девяностыми, они нигде не ушли при всей нашей сытости. Кто-то — по уши, кто-то — по горло, но мы ещё в девяностых. Я верю, что это было очень плохое время, и надеюсь, что эта книга начнёт процесс выговаривания девяностых. Мы должны их выговорить и от них излечиться", — замечает Фатеев.

Тексты — небольшие яркие публицистические главы. Их можно читать с любого места, в произвольном порядке. И перечитывать.

Внешнее управление, Чёрный октябрь 1993-го, чеченские войны, бандиты, дефолт, потребление мяса, уничтожение кириллицы, поражения в спорте, исчезновение такси и речного транспорта, тамаго-ки и напиток "Юпи" — многие феномены "святых девяностых" очень узнаваемы, о каких-то Фатеев внятно напоминает.

В книгах почти две сотни уникальных фотографий, снятых в 90-е уральским фотографом Станиславом Савиным. При этом снимки не иллюстрируют материалы в привычном смысле этого слова, а сопровождают их в случайном порядке. Так автор хотел создать "полифонию" текста и фотографий.

Фатеев убежден, что говорит легко и остроумно. Но эта лёгкость не синоним легковесности. Он слово заговаривает травму, а подчас открыта любой аудиторией.

Формат "подарочного издания" несколько смущает, учитывая тему. Но кто сказал, что подарок должен быть сугубо радостным. Знание, кругозор, опыт — тоже дар. А книги Евгения Фатеева — это память о катастрофе девяностых, которую "необходимо обратить в наш цивилизационный код, в нечто нерушимое".

Даниил ТОРОПОВ